

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

9

КНИСС

У

00000

Попутчик //

FB2: Ego <ego1978@mail.ru >, 02.08.2008, version 1.1

UUID: 71396EAD-9382-4155-9F34-A9491AC12C0B

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Амфитеатров

Попутчик

Александр Амфитеатров

Попутчик

— **А** позвольте спросить, милостивый государь: вы не статский советник?

Я взглянул в темный угол вагона, откуда раздался этот неожиданный вопрос, и узрел небольшого человечка, одетого в серое пальто. По близорукости и за темнотою в вагоне, я не мог рассмотреть лицо серого господина, плотно укутанное в кашне.

— Нет, я не статский советник. А что?

— Так. Едем мы с вами — наружность ваша показалась мне симпатичною — захотелось завязать разговор: вот я и спросил.

— Почему же именно о чине?

— Потому что... да вы, действительно, не статский советник?

— Помилуйте! Куда мне! — закоснелый титуляшка.

— Ну, очень рад, так как — видите ли: я, как человек искренний, не желаю никаких сближений со статскими советниками.

— За что вы их невзлюбили?

— За то, почтеннейший, что я сам статский советник — и вот уже шестнадцать лет, как мои интересы столь радикально разошлись с интересами моих собратий по сему чину, что,

кроме взаимных огорчений, мы друг другу ничего причинить не можем. Но оставим этот вопрос. Куда изволите ехать?

– В Рымск.

– А! Это далеко?

– 240 верст от Москвы.

– Гм... жаль, очень жаль...

– Что вы сказали?

– Нет-с, ничего, это я так...

Мы помолчали. Странный собеседник мой беспокойно ерзал на месте, словно хотел сказать что-то и не решался.

– Молодой человек, а, молодой человек! — начал он наконец.

– Что прикажете?

– Повторяю вам: лицо ваше внушило мне с первого взгляда непреодолимую симпатию, и... коль скоро вы не статский советник, я хотел бы оказать вам услугу.

– Очень благодарен.

– Я дам вам чудесный совет, который продлит дни вашей жизни, сохранит вам здоровье, спасет вас от опасности...

– Какой же это совет? Не напиваться до пьяна?

– Нет: слезть с поезда на последней станции пред двести семнадцатой верстой...

– Вот тебе раз! Чего ради?! Слезать на совсем неподходящей станции!

– Неподходящей, может быть, зато безопасной.

– От чего?

– От крушения, которому неминуемо подвергнется наш поезд на двести семнадцатой версте.

– Что-о-о!

Господин в сером совершенно серьезно повторил свои слова.

– Вы, конечно, шутите? — сказал я.

– Ничуть. Я, знаете ли, не любил шуток и, когда был в ж... я хочу сказать: когда находился на службе, а в настоящем моем грустном положении совсем уже не до шуток. Крушение будет, непременно.

– Откуда вы знаете?

– На этот вопрос позвольте промолчать.

Странные заявления моего собеседника сбили меня с панталыка: я недоумевал, кто разговаривает со мной — мистификатор, сумасшедший или, чего доброго, в самом деле

какой-нибудь злоумышленник, подготовивший катастрофу и, по странному капризу, задумавший исключить меня из числа своих жертв?

— Что же? — прервал он молчание, — слезете?

— Прежде, чем ответить, позвольте спросить: сами вы далеко ли едете?

— Я? Аккуратно до двести семнадцатой версты.

— Значит, вы не боитесь крушения?

— Я ничего не боюсь.

— Вот как! После этого вы просто железный человек.

— Увы! Нет... Когда я был в ж... когда я находился на службе, я был трусом из трусов, но теперь от всех земных перемен мне ни тепло, ни холодно: я ведь, с позволения вашего сказать, покойник.

— Брр... кккка-а-аккк?!?!?!..

— Покойник-с, мертвец, если вам больше нравится, вообще нежить... Не извольте стучать зубами: от этого, кроме порчи эмали, ничего не получается, — а лучше выслушайте!

Шестнадцать лет тому назад, в этот самый

день, я ехал по казенной надобности из города Сивоплюя в город Проходимск. Близ станции Ухорезовки я вышел из вагона на тормоз покурить...

Стою себе, чиркаю спичкой о стенку вагона... Как вдруг — свисток, другой, третий, — и, прежде чем я успел сообразить, в чем дело, передний вагон стремительно попятился ко мне всей своей машиной, чугунная балюстрада тормоза перерезала мое тело аккуратно на две половинки, каждое полменя было сплюснуто буферами в лепешку, далеко не отличающуюся красотой форм, и, в заключение, обе лепешки обратились под ударами колес, в тесто... что я говорю: в тесто! — в муку, сударь, мельчайшую муку! Несмотря на быстроту действий, все это было обработано необыкновенно чисто, и когда я почувствовал себя духом, то не мог открыть среди обломков двух столкнувшихся поездов ни кусочка моего брэнного тела. От меня, как говорится, только мокренько осталось. Пейзаж? А?

— Очень... дддолжно быть... непр... противно! — пролепетал я.

— И неприятно, и неопратно. Вы совершен-

но правы, милостивый государь!

Несколько дней я блуждал, в качестве духа, над земной поверхностью, но вскоре, унаследованный от земного бытия, инстинкт подсказал мне, что надо же и духу быть где-нибудь прописанным.

Я скромн, милостивый государь, сознаю, что натворил при жизни много вольных и невольных прегрешений, да если бы и ни одного не сотворил, то — всякую поездку по железной дороге на том свете рассматривают, как попытку к самоубийству, а за это не хвалят, и очень даже не хвалят!

Поэтому я решил пристроиться прямо в ад. Но представьте себе ужас моего положения, когда на воротах ада я прочитал следующую публикацию:

Сим извещаются г-да покойники всех национальностей, возрастов и полов, что, в виду, распространившегося между ними, за последнее время, самозванства, отныне будут приниматься, как в рай, так и в ад, только души, могущие документально доказать свою личность, или, по крайней мере, представить голову и две трети своего тела для проверки

примет по реестру.

Душам, не удовлетворяющим означенным условиям, предоставляется витать до скончания мира, без цели и приюта, в пустыне мира, со всеми такового бродяжничества последствиями.

Примечание. Отговорки утратою тела не принимаются, в силу того соображения, что таковой утраты быть не может, ибо тело, как материя, не исчезает из мира, но лишь принимает иные формы.

Я только что сам был свидетелем, как моя материя из довольно приличного статского советника превратилась сперва в две лепешки, а потом в порошок, и не мог не согласиться с основательностью резона; но мне-то от того не легче стало! Поди-ка, собирай этот порошок, муку, пудру, когда и место, где она просыпалась, заровнено лопатами, засыпано песочком, заложено новыми шпалами, щебнем! Целый год я мыкался, не знал, как быть? Наконец набрел на счастливую идею:

Черти требуют для удостоверения личности только две трети тела. Что, если я, занимая у разных покойников, части тела из оста-

ющейся в их распоряжении трети составляю себе новый показной корпус и представляю его на адское рассмотрение? Сказано, сделано. Представил заявление, куда надо. Ответили: практиковалось уже не раз и с успехом.

Однако поставили условиями: 1) производить займы исключительно у лиц одного социальной чина; 2) у погибших приблизительно при тех же условиях, как я сам.

С того времени я рыскаю по железным дорогам, выжидая катастрофы. Где крушение, там и я, и, едва какой-нибудь статский советник слетит под колеса, я к нему и смиренно предлагаю:

— Не уступите ли, почтеннейший, несчастному собрату вашего желудочка? Вам он все равно не нужен, — покойники не кушают, — а я бы вам хороший процент дал.

— И дают?

— Какое! До того редко, что я озлобился, и теперь мои займы, — между нами будь сказано, — почти всегда насильственные. Пока дух, после катастрофы, стоит, ополоумевши, над телом, — бросишься, как коршун, урвешь, сколько надо, и поминай, как звали! Вот —

левая рука у меня от одного субъекта с Николаевской дороги, обе ноги я подхватил, по случаю, на Кукуевке, живот приобрел у какого-то штутс-рата за границей. Этаким манером я собрал себе не только две трети, но даже целое тело.

Не хватает теперь лишь главного органа... как вы уже вероятно заметили, — головы!

Попутчик мой снял шляпу, и тут я с ужасом увидел, что головы у него точно не было, а шляпа, Бог весть, какими судьбами, держалась над пустым пространством, замаскированным толстым шерстяным кашне.

— Да-с, головы. Ну, в этом разе придется действовать прямо нахрапом. Голова вещь важная, ее ни за какие проценты не займешь — разве уж на дурака из дураков нарвешься... А, знаете ли? — с нами в поезде, в следующем вагоне, едет один статский... ах, сколь хороша голова! — сытая, с плешкой этакой, лицо крупичатое, бакенбарды русые... Вот бы! ах!

Голос попутчика даже замер от восторга...

— Сударь! Билет ваш пожалуйста! — раздался над моим ухом голос кондуктора. Я

проснулся... Ах, слава Богу, все это было только сон!

На дворе был ясный день. Поезд с шумом и грохотом проходил двухсотую версту. Я вышел на тормоз и увидел перед собой господина с необыкновенно важной физиономией: бакенбарды, холеные щеки, все — точь-в-точь, как описывало мне привидение. Можно было присягу принять, что господин этот — статский советник накануне генеральства... Признаюсь, при виде его мое сердце сжалось недобрым предчувствием.

— 210... 211... 212... 213... 214... Батюшки!.. 215...

Статский советник все стоял насупротив меня и курил.

— И тот ведь тоже покурить вышел! — подумал я, — 216... А вдруг в самом деле будет крушение?!.. Будет... не будет... будет... не будет... Ой, будет! ей-Богу, будет!! Вот оно!!!

И, при первом тревожном свистке, я, поручив свою душу небесам, спрыгнул с поезда и полетел, вверх тормашками, под насыпь.

— Говорил я вам! — донеслось до меня издали.

С трудом поднявшись на ноги, я увидел в суете людей, толкавшихся у соскочившего с рельсов поезда серую фигуру, как будто знакомую мне... В руках у фигуры было что-то шарообразное...

Со мной сделался обморок.